

**Иосиф Бродский и Joseph Brodsky
(контрастивный анализ некоторых особенностей
идиостиля)**

**Иосиф Бродский and Joseph Brodsky
(contrast analysis of certain linguistic peculiarities of idiostyle)**

Жанетта Вардзелашвили (Грузия)

Janetta Vardzelashvili (Georgia)

Doctor of Philological Sciences, Professor, Georgian Technical University

vjanetta@yandex.ru

*«Все, что творил я, творил не ради я
славы в эпоху кино и радио,
но ради речи родной, словесности...»*

И. Бродский

Почти мистическое отношение Бродского к языку известно всем, кто занимается его творчеством. В 1987 году в своей Нобелевской речи он отчеканил формулу: «...поэт всегда знает /.../ что не язык является его инструментом, а он – средством языка». Примерно за десятилетие до этого в эссе “Less that one” («Меньше единицы»)¹ Бродский размышляет о том, как из череды смыслов в словах рождается стих: «...Именно язык диктует стихотворение, и то, что в просторечии именуется Музой, или вдохновением, есть на самом деле диктат языка». В этой связи интересно вспомнить интервью «Муза в изгнании», опубликованное осенью 1974 года в журнале “Mosaic”. Это было в самом начале его «языкового раздвоения», когда волею судеб поэт оказался «выброшенным из родного языка», а жизнь заговорила с ним на английском. Анн-Мари Брамм, интервьюировавшая поэта, спросила: «Переезд в Соединенные Штаты как-то изменил ваше творчество?». Отвечая, Бродский шутливо-иронично замечает: «...похоже, я прибыл сюда без своей Музы. Наверное, она не села на этот самолет». Безусловно, ирония *non est argumentum*, но ведь ирония - это троп, форма иносказания,

¹ впервые опубликовано в 1979 году.

в том числе, позволяющая нивелировать излишнюю серьезность, когда речь идет о чем-то действительно важном.

Откуда это ощущение оставленности? Ведь перед вынужденным отъездом была абсолютная убежденность: «Я принадлежу к русской культуре, я сознаю себя ее частью, слагаемым, и никакая перемена места на конечный результат повлиять не может» (из письма Л.И. Брежневу: 1972). Но перемена места все-таки повлияла на конечный результат - Бродский стал «слагаемым» не только русской, но и американской культуры. Удвоение «слагаемого» осуществилось в симбиозе двух языков - русского и английского.

Принадлежность к двум культурам, как заметил Бродский в диалогах, записанных Соломоном Волковым, «совершенно замечательная ситуация психически. Потому что ты сидишь как бы на вершине горы и видишь оба ее склона». И снова тень иронии, потому что в диалоге эту мысль предваряет вопрос-контроверза: «Дело в том, что эта принадлежность к двум культурам, или, проще говоря, это двуязычие, на которое то ли ты обречен, то ли наоборот, то ли это благословение, то ли наказание, да?» (2004).

Изгнание для Бродского было вынужденным удалением за пределы территории не только в географическом, но и в лингвистическом смысле. Еще на родине «...Жизнь, которой, // как дареной вещи, не смотрят в пасть, // обнажает зубы при каждой встрече»² научила голос поэта перемещаться в пространстве, где нет физической территории, и звучать даже в безмолвии строк - «...И тишина. // И более ни слова. // И эхо. // Да еще усталость.»³. Но поэт - это прежде всего слова языка, дающие форму смыслам и чувствам, рожденных жизнью и мыслью.

Два языка, перемена места - обречение или благословение? «Мне повезло еще в том смысле, что англоязычная культура мне никогда не была чужда. Еще живя в России, я много читал англоязычных поэтов, много переводил, так что переход этот, в общем, для меня органичен», - замечает Бродский в интервью Б. Езерской⁴. Или: «Два языка как бы играют друг с другом. Между ними происходит интерференция, традиции сталкиваются друг с другом, а я это использую, эксплуатирую»⁵. В Нобелевской речи Бродский, назвав себя человеком, чей родной язык - русский, говорит о зависимости

² Из цикла «Части речи».

³ «Памятник Пушкину».

⁴ Журнал «Время и мы», № 63, 1981.

⁵ Газета «Vrij Nederland», 11.09.1982.

поэта от языка, о том, что язык «ему подсказывает или просто диктует следующую строчку». Можно ли, следуя логике поэта, допустить, что вибрации-«подсказки» английского языка не всегда улавливались ухом, привыкшим к иной «музыке сфер»? Хотя сам поэт на вопрос об отличии русского и английского языков в интервью Дэвиду Монтенегро заявляет: «Слово есть слово. В конце концов, звук - это звук»⁶. Снова ирония-иносказание, заведомое упрощение, попытка ухода от очевидно-понятого? Возможно, поскольку примерно в один и тот же временной отрезок (1986-1987 г.г.) он высказывается на эту тему достаточно противоречиво. Сравним: «...там - истинная жизнь нашего языка. < ... > мои читатели, моя аудитория - там, к востоку от Варшавы»⁷ и вдруг - «...я достаточно великодушен или циничен, полагая, что мои русские читатели в конечном счете качественно ничем не отличаются от моих англоязычных читателей»⁸. Что это, отсутствие целостного взгляда? Или - невозможность прийти к однозначному ответу *a priori*, а только *a posteriori*, через собственный опыт, который, всегда - «сын ошибок трудных». Ведь не случайно, по словам Бродского, изгнание «учит нас смирению, и это лучшее что в нем есть», смирение, прежде всего, лингвистическое.

Корпус английских поэтических текстов Бродского составляют переводы, сделанные англоязычными поэтами и переводчиками, которым он все меньше доверял с годами, авторские переводы и оригинальные стихи, написанные на английском. В исследовательской и мемуарной литературе широко освещен вопрос о причинах обращения Бродского к английскому языку. Но вопрос о том, владел ли Бродский-поэт английским в той мере, чтобы стать «средством этого языка», все еще остается одним из наиболее обсуждаемым в критике. Общеизвестно и неоднозначное отношение критиков и читателей к авторским переводам и поэтическим текстам, написанным им на английском. И вместе с тем, следует помнить, что Бродский был лауреатом стипендии Макартура, Национальной книжной премии и был избран Библиотекой Конгресса поэтом-лауреатом США. Этот перечень регалий свидетельствует не только об официальном признании, но и о том, что «поэт с имперских окраин» имел своего читателя не только на старой, но и на новой родине.

⁶ Журнал "Partisan Review", №4, 1987.

⁷ Беседа с Юзом Алешковским. Газета "Book World" 4.05.1986.

⁸ Журнал "Partisan Review", №4, 1987.

Думается, вопрос об авторских переводах и его англоязычных стихах затрагивает не только разность языков, но и несхожесть культурных кодов, ценностей, традиций, эстетических представлений, что затрудняло соучастие англоязычного читателя в движении за мыслью и душой поэта. Для англоязычного читателя слишком многое могло быть непривычным: метричность самого стиха, рифма, атрибуты эпохи и связанные с ними концепты, метафоры, раскрывающиеся веером смыслов, коннотаций и эмоций, которые конденсировались в иной культуре, прорастая как модель миропонимания только в ее носителях.

Всякий перевод - а перевод поэтических текстов прежде всего – это новый текст, составленный средствами нового языка. Насколько новый? По утверждению самого Бродского, при переводе «последовательность образов и последовательность мысли, развитие, психология следующего шага иногда сохраняются», но в разных культурах «одна и та же структура может означать, подразумевать или напоминать разные вещи».⁹

Очень интересный материал дает сопоставительный анализ авторских переводов Бродского, демонстрирующий, как интралингвистическая проблема выходит за собственно языковые пределы в сферу диалога культур (по М.М.Бахтину). В поисках единства мироощущения с читателем Бродский, переводя собственные тексты, корректирует их в соответствии с ментальностью нового адресата. Здесь мы будем опираться на сопоставительный анализ двух авторских текстов Бродского - оригинального английского “Tsushima Screen” (1978) и его русского варианта «Опасное желтое солнце...» (1980), проведенным А.А. Фокиным¹⁰. На наш взгляд, этот анализ убедительно демонстрирует разницу как в языковом, так и в ментальном плане оригинала (инварианта) и перевода (варианта).

Но прежде следует обратить внимание на то, что русский вариант текста помещен в собрании сочинений без названия, а английский текст озаглавлен автором. По нашим наблюдениям, это - своеобразный авторский прием: Бродский озаглавливает на английском те стихи, которые в русском оригинале не имеют заглавия и в сборниках даются по первой строчке с многоточием, например: «То не Муза воды набирает в рот...» - “Folk Tune” (Народная песня), «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» -

⁹ Журнал “Columbia. A Magazine of Poetry & Prose”. 1980.

¹⁰ Фокин А. А. Этническая ментальность и проблемы перевода (на материале творчества Иосифа Бродского): <http://br00.narod.ru/10660190.htm>.

“May 24, 1980”¹¹. В данном случае текст-донор - английский, но прием все тот же, следовательно, релевантным будет и обобщение: «адресованные англоязычному читателю заголовки выполняют объяснительную и «указующую» функцию. А русский читатель вступает в диалог с поэтом с многоточия» (там же).

Ключевым смысловым образом в сопоставляемых текстах является топоним Tsushima/Цусима. Как замечает Фокин, в английском варианте оно выделено в название, но далее в тексте не встречается ни разу, поэтому этот заголовок «воспринимается как замысловатая метафора, расшифровать которую можно и как дым, и как самый холодный период зимы, препятствующий наступлению весны, и как экран, и как театр, и как ширму-перегородку, и т. д.». В русском варианте, как уже отмечалось, нет названия, но Цусима встречается в тексте два раза. Для русского сознания и культурной памяти это - концепт, связанный с войной, горечью поражения, разлукой, в нем прослеживается связь с понятиями «мужество», «революция», «крушение», антитеза «начало-конец»... Идя по этой канве, можно восстановить мотив путешествия-странствия, цикличности времени... Русскоязычный читатель интертекстуально свяжет его со стихами Брюсова, Бальмонта, Волошина, Ахматовой. Замечено, что в русском варианте есть восклицание «Забудь Цусиму!», адресованное носителям русской ментальности, которое отсутствует в английском тексте.

В английском инварианте - те же мотивы, но иная образная система, «благодаря чему стихотворение вступает в корреляционные связи с другими его английскими стихами, с английской поэзией вообще и с творчеством Джона Дона в частности» (Фокин: там же). Если в русском тексте тему последнего путешествия-плаванья экстраполирует концепт «Цусима», то в английском - имя-образ «Епифаний». Здесь необходимо напомнить, что Святитель Епифаний - еврей по происхождению, известный начитанностью и мудростью, прославившийся как великий ревнитель христианской веры, обладающий даром чудотворства, и тем, что не принял участия в Константинопольском Соборе для суда над Иоанном Златоустом. Возвращение из Константинополя стало последним путешествием Епифания...

В непрекращающейся дискуссии об английских стихах и автопереводах поэта одним из аргументов звучит определение самого Бродского: «русский поэт и американский эссеист». Безусловно. Но ведь он же говорил: «русские читатели в

¹¹ См. об этом: Вардзелашвили Ж. Метафизика знака: роль многоточия в русских и английских поэтических текстах И. Бродского. 2014.

конечном счете качественно ничем не отличаются от моих англоязычных читателей». Поэтому речь идет не о партикулярном вопросе, а о проблеме «автор и его читатель», о совпадении с мировоззрением и философией Поэта.

Λитература

Иосиф Бродский. Большая книга интервью. М., 2000.
Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 1997-1998.

Вардзелашвили Ж. Метафизика знака: роль многоточия в русских и английских поэтических текстах И. Бродского.//Современное литературознание и прикладная лингвистика: американские и британские студии. Сборник научных трудов. Киев, 2014.

С. Волков. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2004.

Фокин А. А. Этническая ментальность и проблемы перевода (на материале творчества Иосифа Бродского); режим доступа: <http://br00.narod.ru/10660190.htm>